

Мурашев

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск

222

Главный редактор
Н.А. МАКАРОВ

МОСКВА НАУКА 2008

Тоноров В.Н., 1984. Прусский язык: Словарь К-Л. М.

Heydeck J., 1876/1877. Bericht über Ausgrabungen bei Wiskiauten und Wiekiau // Prussia. Bd. III.

Heydeck J., 1909. Fundberichte (C. Gräberfelder: Kunterstrauch) // Prussia. Bd. XXII.

Jaskanis J., 1977. Smentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego: Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // Materiały starożytne i wczesnosredniowieczne. Warszawa. T. IV.

Kleemann O., 1939a. Ueber die wikingsche Siedlung von Wiskiauten und über die Tiefs in der Kuhrischen Nerung // Alt-Preussen. 4. Jg. H. 2.

Kleemann O., 1939b. Die vorgeschichtliche Funde bei Cranz und die Siedlung von Wiskiauten // Prussia. Bd. 33, H. 1-2.

Kulakov V., 2005a. The Amber Lands in the Time of the Roman Empire // BAR S1356. Oxford.

Kulakov V., 2005b. Die wikingerzeitliche Siedlung und das Gräberfeld Kaup bei Wiskiauten: Bericht über die Ausgrabungen der Jahre 1956-2004 // Offa-Zeitschrift. Bd. 59/60: 2002/2003.

Vaitkunskienė L., 1978. Lankinės laiptelinės segės // Lietuvos archeologijos atlasas. Vilnius. T. IV.

В.С. Нефёдов, В.В. Мурашёва

МОДЕЛЬ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОЯСНЫХ БЛЯШЕК
"ВОСТОЧНОГО" ОБЛИКА С ГОРОДИЩА РОКОТ
В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Одним из самых крупных и информативных памятников Смоленского Поднепровья и Подвинья эпохи формирования Древнерусского государства является археологический комплекс у д. Рокот (Руднянский р-н Смоленской обл.), расположенный на водоразделе Днепра и Западной Двины (рис. 1). Комплекс состоит из городища и остатков курганного могильника, занимающих высокую моренную гряду валдайского оледенения в верховьях р. Клёц, впадающей в оз. Каслянокское (бассейн р. Западная Двина).

Городище размером около 300 × 40-60 м имеет три площадки, ограниченные четырьмя валами и двумя заплывшими рвами. Первая площадка занимает маленькую мысовую террасу и лишена культурного слоя, вторая, находящаяся в мысовой части гряды, содержит мощные напластования раннего железного века (днепро-двинская культура) и конца I тыс. н.э., на третьей (внешней), наиболее обширной, залегает культурный слой, датируемый только концом I тыс. По-видимому, городище является самым большим по площади укрепленным поселением этого времени в Смоленском Поднепровье и Подвинье. Курганный могильник, ныне почти полностью распаханный, находился перед внешним валом и рвом и занимал территорию размерами около 90 × 70 м. Сейчас от него сохранился один курган (рис. 2).

В конце 1930-х годов в разрушаемых курганах были найдены каролингский меч, шлем эпохи викингов, обломки скандинавских фибул, игральная кость и другие предметы (Шмидт, 1983. С. 39; Нефёдов, 1998. С. 253). Некоторые из них поступили в Смоленский музей, но, за исключением меча, погибли во время Великой Отечественной войны. Позднее памятники у д. Рокот обследовались Н.В. Андреевым (1947 г.), В.В. Седовым (1960 г.) и Е.А. Шмидтом (1980 г.) (библиографию см.: Археологическая карта, 1997а.

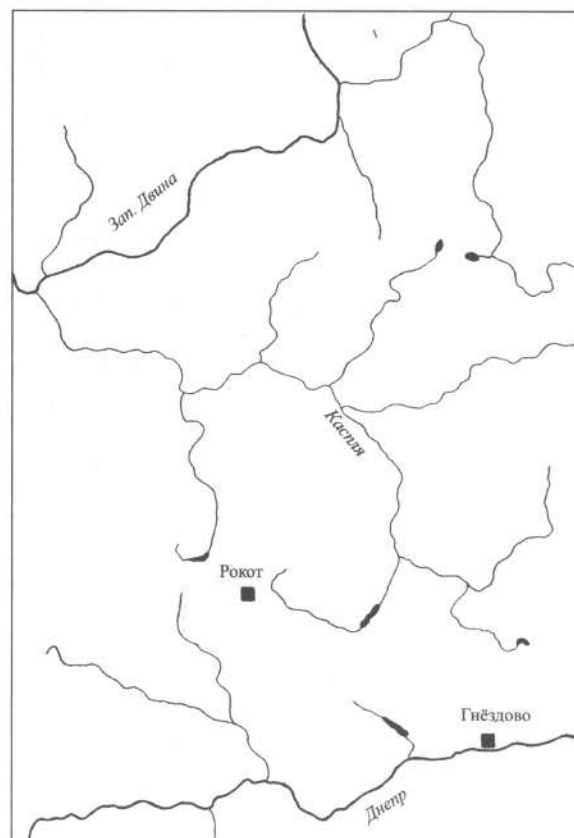

Рис. 1. Местоположение археологических памятников у д. Рокот

С. 238, 239, № 734, 737; 1997б. С. 218, № 737). В 2003 г. В.С. Нефёдов провел небольшие раскопки на внешней площадке городища и сбор подъемного материала на месте распаханных курганов (Нефёдов, 2004). Кроме того, в последние несколько лет частными лицами в результате несанкционированных раскопок на территории городища и курганного могильника было найдено несколько десятков металлических предметов, поступивших на черный рынок и в частные коллекции. Большинство этих вещей нам удалось безвозмездно получить для передачи на музейное хранение и (или) графически зафиксировать, а в ряде случаев приблизительно выяснить места их находок.

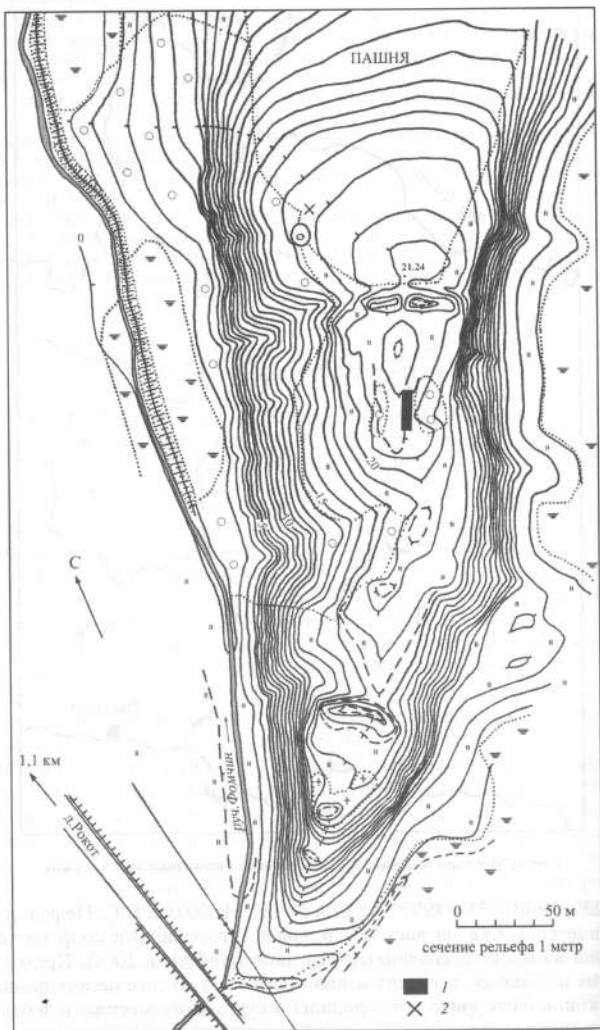

Рис. 2. План археологического комплекса у д. Рокот
1 – раскоп 2003 г.; 2 – место находки модели для изготовления бляшек

Среди артефактов, обнаруженных как на городище, так и на территории могильника, выделяются предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня, так называемый “торговый инвентарь” (в данном случае весовые гири и арабские монеты), различные инструменты и другие предметы, связанные с ремесленным производством, в первую очередь с ювелирным делом, а также украшения и детали костюма. Последние можно разделить на три основные культурные группы: скандинавскую, “салтовскую” и местную, характерную в основном для культуры смоленских длинных курганов. Интересны также предметы византийского происхождения: медный фоллис, превращенный в подвеску, и обломок поливного сосуда. В целом такой набор вещей типичен на данной территории как для раннего Гнёздова, так и для некоторых других синхронных памятников, и позволяет предварительно датировать археологический комплекс у д. Рокот концом IX – серединой X в. Выявленные при раскопках остатки построек и керамика подтверждают указанную датировку и позволяют уточнить состав жителей этого поселения.

Очевидно, что население городища в конце I тыс. н.э. было неоднородным как в этнокультурном, так и в социальном отношении. По всей видимости, это укрепленное поселение входило в состав системы населенных пунктов, контролировавших и эксплуатировавших важнейшие транзитные военно-торговые пути, которые проходили через Смоленское Поднепровье и Подвинье в конце IX–X в. Вероятно, городище у д. Рокот занимало юго-восточный край волока, соединявшего исток р. Рутаевич (левый приток р. Каспля) с верховьями р. Клѣц, по которой путь шел дальше в направлении Гнёздова (Нефёдов, 1997). На противоположном конце волока расположен археологический комплекс последней четверти I тыс. у д. Заозерье, состоящий из городища, селища и курганного могильника (Археологическая карта, 1997а. С. 231, 232, № 707, 709; 1997б. С. 217, № 1623; там же библиография).

* * *

В 2003 г. при сборе подъемного материала на территории распаханного курганного могильника, примерно в 50 м от внешнего вала и рва городища был найден предмет, которому посвящена настоящая работа. Это почти плоская (чуть выпуклая) квадратная литая пластина из медного сплава, размерами 17 × 16 мм, толщиной 1,2 мм, с как бы снятыми по краям фасками. На лицевой стороне пластины сделано углубление прямоугольной формы, размерами 10 × 3 мм. В нем заметны неровности, оставленные от работы инструментом типа резца (рис. 3, 1). Возможно, они были уже на восковой модели, с помощью которой отливалось это изделие. На лицевой поверхности предмета (но не в углублении) видны светлые пятна, которые могут являться остатками полуды (тонкого слоя олова).

По форме и размерам изделие более всего напоминает прямоугольные поясные бляшки с прорезью в нижней части, хорошо известные в древностях Восточной Европы и Центральной Азии последней трети I тыс. н.э. От готовой бляшки его отличают отсутствие крепежных шпеньков на оборот-

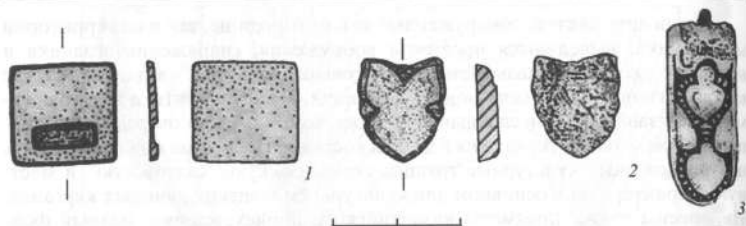

Рис. 3. Первоначальные модели для изготовления поясных бляшек X в. с территории Древней Руси
1 – Рокот; 2 – Гнёздово; 3 – Владимирские курганы

ной стороне и бортика по краю, а также не прорезанное до конца отверстие. По нашему мнению, интерпретировать данный предмет можно двояко: это либо первоначальная модель для изготовления поясных бляшек, либо бракованная отливка такой же бляшки. Вместе с тем наличие на изделии прямоугольного углубления, а не отверстия, приводило бы, в случае использования его в качестве первоначальной модели, к отсутствию соответствующих сквозных прорезей как на восковых моделях, так и на готовых бляшках. Иными словами, при помощи этой модели можно было изготавливать только бракованные изделия или приходилось бы каждый раз дорабатывать восковые модели (подробнее о технологии изготовления литых ремненных бляшек см. ниже). Поэтому не исключено, что рассматриваемый предмет является недоделанной или бракованной первоначальной моделью.

По мнению В.Н. Добжанского, мода на поясные наборы, состоящие из бляшек прямоугольной и сегментовидной формы с прорезью для продевания подвесных ремешков, возникла в Южной Сибири в конце VII в., в период образования Второго Тюркского каганата (Добжанский, 1990. С. 37). В конце VII–VIII в. эти пояса были широко распространены в Средней Азии, на Средней Волге, в Прикамье и Приуралье (Распопова, 1980. С. 89, рис. 63, 1–7; Мажитов, 1977. С. 22, рис. 5, 1; Табл. I, 162, 163; Матвеева, 1997. С. 71, рис. 122, 1, 9, 16–18; Халикова, 1976. Рис. 6, 34, 35; 7, 21; Голдина, 1985. С. 41, табл. X, 40–45, 47; Голдина, Кананин, 1989. С. 64, 85, рис. 49, 11–14; Голдина, Водолого, 1990. С. 81, 82, 93, табл. XXX, 2–14, 16–24; XXXII, 12, 14, 16–18, 22–24; XLIV, 3). В салтово-маяцкой культуре и мордовских могильниках они встречаются сравнительно редко и в основном также в комплексах VIII в. (Материалы, 1952. Табл. XXVII, 1; XXXIII, 5, 7; Плетнёва, 1967. Рис. 44, 44; Комар, 1999. Табл. 3, 21, 22). По-видимому, к началу IX в. мода на поясные наборы этой стилистической группы затухает, однако они продолжали использоваться до XI в. включительно, особенно в Волжской Болгарии (Казаков, 1991. С. 131, рис. 44, 23, 74; 1992. С. 166–167, рис. 60; Полякова, 1996. С. 213, рис. 68, 1).

В VIII–IX вв. отдельные экземпляры таких бляшек попадают на территорию будущей Древней Руси, в том числе в Приильменье (селище Прость)

(Носов, Плохов, 2002. С. 174, рис. 5, 10, 11) и Верхнее Поочье (городище Супруты) (раскопки С.А. Изюмовой; ГИМ. Оп. 2734. № 38). Среди наборных поясных украшений древнерусских памятников X в. прямоугольные бляшки с прорезью встречаются в нескольких погребениях Гнёздова, Тимерёва и Сязниги (Ленинградская обл.) (Мурашнёва, 2000. С. 106, 110, 115, 116). В отличие от экземпляра из Рокота, они имеют стрелчатый выступ в верхней части отверстия. Таким образом, на территории Древней Руси конца I тыс. находки подобных бляшек единичны.

Изготовление ремненных бляшек, при всей кажущейся простоте этого вида украшений, являлось сложным многоступенчатым процессом. Все известные древнерусские бляшки изготовлены путем отливки, в результате осуществления определенной последовательности технологических операций (Ениосова, Murasheva, 1999. Р. 1093–1100):

- 1) создание первоначальной модели;
- 2) получение промежуточной глиняной формы;
- 3) получение промежуточных восковых моделей;
- 4) получение одноразовых глиняных форм для литья;
- 5) отливка серии бляшек.

Подобная сложная и многоступенчатая схема характерна не только для Восточной Европы. Считается, что литье с использованием копирования моделей, сложившись в провинциальных римских мастерских первых веков н.э., широко использовалось в эпоху переселения народов и в эпоху викингов (Laszlo, 1972. S. 89–90; Lamm, 1973. P. 97–111; Jansson, 1985. S. 197–203). Исследователи отмечают, что способ получения первоначальной модели и материал, из которого она могла быть сделана, являются наиболее спорным аспектом всех технологических реконструкций (Ениосова, Сарачева, 1997. С. 298).

Как отмечалось выше, находка из Рокота могла служить или быть задумана именно такой первоначальной моделью. Первоначальная модель использовалась в качестве штампа, который многократно оттискивался в глину для получения углубленной матрицы. Затем на матрицу накладывался тонкий пласт воска и продавливался чем-то мягким. Таким образом, производилась своего рода “штамповка” восковых бляшек. Кроме продавливания воска в форму, можно предположить и другой вариант: воск заливался в форму и сразу же сливался. Застывшая при соприкосновении с формой тонкая восковая пластиночка, повторявшая все особенности матрицы, и могла служить восковой моделью. К каждой модели крепились восковые штифты, затем нижняя глиняная створка заливалась жидкой глиной, формируя вторую створку формы. Штифты могли получаться и благодаря отверстиям, сделанным в подсохшей второй створке с помощью шила. Подтверждением подобной сложной реконструкции изготовления ремненных накладок является факт расположения штифтов у бляшек одной серии в разных местах (Мурашнёва, 2000. С. 11).

Первоначальные модели ювелирных изделий – довольно редкая находка на раннесредневековых памятниках. Можно отметить модели из свинцово-оловянных сплавов из Риббе (Дания) (Ениосова, Сарачева, 1997. С. 299) и ме-

таллические модели-штампы, представленные в материалах Волжской Болгарии (Полякова, 1996. С. 165–166, рис. 59, 1–15). На территории Древней Руси X в. нам известны еще две находки первоначальных моделей для изготовления ременных украшений.

Одна из них происходит из депортированного материала Владимирских курганов (раскопки А.С. Уварова; ГИМ. Оп. 59. № 356) и превращена в подвеску (рис. 3, 3). Полное отсутствие следов крепежных штифтов и бортика (как и у находки из Рокота) заставляет предположить, что пластина являлась металлической моделью для изготовления ременных наконечников. Подобные наконечники зафиксированы на селищах Волжской Болгарии, среди марийских древностей и относятся к Волжско-Болгарской традиции изготовления ременных украшений (Мурашова, 2000. С. 37).

Вторая модель найдена в культурном слое Центрального Гнёздовского селища (раскопки В.В. Мурашовой, 2003 г.) (рис. 3, 2). Она происходит из района очага, связанного с ювелирным делом и кузнечной обработкой железа. Модель изготовлена из розового шифера и воспроизводит сердцевидную бляшку с каплевидными выступами по краю. Бляшки подобного облика также относятся к Волжско-Болгарской традиции и обнаружены во Владимирских курганах (Мурашова, 2000. С. 26–27), Волжской Болгарии (Казаков, 1991. С. 134, рис. 44, 27), древностях цининской и сурской мордвы IX–XI вв. (Материальная культура, 1969. Табл. 4, 9; Винничек, 2003. С. 375, рис. 1, 33–35). Находка модели бляшки из шифера является прекрасным подтверждением предложенной реконструкции технологии изготовления ременных украшений.

Если предложенная нами интерпретация находки из Рокота верна, то это позволяет предположить, что в конце IX–X вв. на Руси и, в частности, в Смоленском Поднепровье и Подвинье были люди, которые не только носили редкие для этой территории наборные пояса “тюркской” стилистической группы, но и пытались изготавливать их на месте.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта России, 1997а. Смоленская область. М. Ч. 1.
 Археологическая карта России, 1997б. Смоленская область. М. Ч. 2.
 Винничек В.А., 2003. Ременные накладки из цветных металлов с Верхнесурских средневековых поселений // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза.
 Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
 Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.
 Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.
 Дюбжанский В.Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.
 Енисосова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты истории изучения // Древности Евразии. М.
 Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань.
 Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.
 Комар А.В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы: (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. Київ. № 2.

- Мажитов Н.А., 1977. Южный Урал в VII–XIV вв. М.
 Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке, Самара. Материальная культура средне-цининской мордвы VIII–XI вв. Саранск, 1969.
 Материалы по истории Мордвы VIII–XI вв. Моршанск, 1952.
 Мурашова В.В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.
 Нефёдов В.С., 1997. Смоленское Поднепровье и путь “из варяг в греки” в IX–X вв. // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Петрозаводск.
 Нефёдов В.С., 1998. Городища X в. и начало “окняжения” территории Смоленского Подвинья // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф. Новгород. Вып. 12.
 Нефёдов В.С., 2004. Исследования в Смоленской области // АО 2003 г.
 Носов Е.Н., Плохов А.В., 2002. Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
 Плетнёва С.А., 1967. От кочевий к городам // МИА. № 142.
 Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
 Распопова В.И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.
 Халикова Е.А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2.
 Шмидт Е.А., 1983. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. М. Ч. 2.
 Enisova N.V., Murasheva V.V., 1999. Manufacturing Techniques of Belt and Harness Fittings of 10th Century AD // Journal of Archaeological Science. N 26.
 Jansson I., 1985. Ovals spannbacklar: En studie av vikingatida standarsmycken med utgångspunkt från Björko-fyndet. Uppsala.
 Lamm K., 1980. Early Medieval Metalworking on Helgo in Central Sweden // British Museum Occasional paper. London. N 17.
 Laszlo G., 1972. L'art des Nomades. Budapest.

М.Г. Гусаков, С.В. Кузьминых

К ВОПРОСУ О РОЛИ НОСИТЕЛЕЙ “СЕТЧАТОЙ” И “ШТРИХОВАННОЙ” КЕРАМИКИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУР ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Проблема, вынесенная в заглавие статьи, является одной из наиболее дискуссионных в археологии раннего железного века (РЖВ) лесной полосы Восточной Европы. Давно утвердилось мнение, что ранний период существования дьяковской культуры (далее ДК) охватывал VIII–VI вв. до н.э. и связан с носителями традиции изготовления “сетчатой” (текстильной, ложно-текстильной, ниточно-рябчатой и т.д.) керамики. По мнению ряда исследователей, именно носители этой традиции являлись собственно “дьяковцами”, которые время от времени принимая в свою среду незначительные коллективы “чужаков”, ассимилировали их и смогли дожить до прихода на территорию Волго-Окского междуречья славян (Дубынин, 1974; Сидоров, 2002).